

Игорь Непомнящий

Час снегопада

*...Только пепел мне снится в ночи.
Иннокентий Анненский*

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Я скажу: какое дело,
Спрашивается, тебе,
Что, как ветхий лист, истлело
Прошрое в моей судьбе?
Что светилось – то распалось,
Что горело – то зола,
И осталась лишь усталость
От сегодняшнего зла.
И добавлю между прочим,
Слово истины ценя,
Что, как видно, в доме отчет,
Где и плачем и хохочем,
Где и ропщем и пророчим,
Славя, клянча и кляня,
Веры нет и полномочьям
Развидневшегося дня...

2.

Мои неисчислимы вчера –
Иные нежны, а другие грубы –
Как траченные молью свитера
И ржавчиной разъеденные трубы.
Давно б от них избавиться пора,
Очистить погреба и антресоли
От обветшавшей радости и боли –
У всех в избытке этого добра.
И знает всякий (истина стара),
Что вспоминать – опасная игра:
То бьет под дых, а то целует в губы...
Всегда в нее играют до утра
Гробовщики, блудницы, шулера,
Десантники, поэты, однолюбы...

3.

Да, узелки на память мы развяжем,
Распустим полотно минувших лет,
Но даже и самим себе не скажем,
Что, как для старой фотопленки, страшен
Для жизни бывшей посторонний свет.

Перед кем-то как будто виновен, когда засыпает,
Но зато и оправдан какою-то высшею силой,
Человек засыпает, и прошлым его засыпает,
Точно в шахте пустою породой (спаси и помилуй!).

Человек засыпает, и город, в распухшей гортани
У которого изредка всхлипнет гудок тепловозный,
Не желая и жестом себя обнаружить и рта не
Открывая, за ним наблюдает из тьмы безголосной.

В этом городе им прожита половина столетья,
И во снах его тополь, которого нет и в помине,
Все шумит и шумит, все бормочет свои междометья,
Чтоб совсем одиноким его не оставить в пустыне.

ЧАС СНЕГОПАДА

1

Весь этот город
В дымке метельной
Дремой поборот
В час колыбельный.
Как бы в намеке –
Звуком в письме –
Образ дороги
Снится зиме.

Вне образцов он
Неузнаваем:
Недорисован,
Недоизваян,
Как бы окрашен
Светом чужим,
Нежен, протяжен,
Непостижим.

Кажется, кто-то
Ищет, робея,
Плащ Дон Кихота,
Шарф Дульсинеи,
Кажется, будто
Новый Рабле
В эти минуты
Явлен земле.

В тонкой тетрадке
Собраны вместе
То ли догадки,
То ли известья
Дальних созвездий,
Ближних миров:
То ли предместий,
То ли дворов.

В милости высшей
Час снегопада:
Тумба с афишей,
Парка ограда,
Площадь, киоски,
Куст,
дом –
Всё как в наброске.
Нечерновом.

2

Этот снег идет, не уставая,
В воздухе сквозит, как светлый дым...
Часа не пройдет, как мостовая
За окном окажется белым –
Белой, белой. Белой...

В нищем парке

Ива

и береза во дворе
Засияют, призрачны и яркие,
В северном просторном ноябре.
Кажется, с самим собой условясь
Стать невиноватым хоть на миг,
День, как перебеленная повесть,
Станет в тесный ряд любимых книг.
Втиснутся меж томом Пастернака
И романом старшего Дюма
Жизнеописание оврага
Или биография холма...
Снег идет, порывисто-беспечный,
И не знает срока своего...
Каждая снежинка с каждой встречной
Чувствует небесное родство.
И пока спешат они, живые,
Не оставить этот мир вчерне,
Сердце, утомленное Россией,
Ищет чем забыться в белизне.

ЕЩЁ НЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

После финальных реплик сцена пуста:
Нет ни последних поклонов, ни криков *браво*,
Нет ни актеров, ни зрителей – немота
Этого зала грозней, чем земная слава.

Надо признаться, что на пиру мирском,
Буйном и душном, я не о славе грезил,
Зная, что свет софитов под потолком
Столь же безгласен, как мгла опустевших кресел.

Время – диалогично, пространство – нет.
Кажется, что весь мир – монолог немого,
На протяжении неисчислимых лет
Ждущий, как избавленья, чьего-то *слова*.

Но в ледяной вселенной лишь слабый звук,
Звук в тишине вскрываемого конверта,
Изредка раздается, как будто, вдруг
Кая увидев, его окликает Герда.

МУЗЫКА

И. К.

В то время как скрипач прильнет щекою к деке,
В тот самый миг, когда еще и звука нет,
Бледнеют облака, охлаждаются реки
И в сумерках зимы дрожит холодный свет.
И дни мои, один другого безымянней,
Безмолвием тесня, толпятся за спиной...
Лишь музыка одна – сестра воспоминаний
О жизни, не случившейся со мной.

Памяти матери

Человек умирает, когда прекращает стареть:
Как морщины, вчера ещё он пересчитывал годы,
А сегодня – ни слова, ни жеста...и, кажется, впредь
Если что и дано ему, то ощущение свободы.

Он свободен теперь. Он сполна заплатил за постой
На дворе постоялом, за ужин в ямщицком трактире.
Под могильной плитой он слышит, как шмель золотой
Над могильной плитой звенит о сияющем мире.

В этом небе вечернем так много бессмертных огней,
Что ничто на земле не свободно от собственной тени,
И, не зная последней свободы, ты помнишь о ней,
И тоскуешь по ней, и боишься ее обретенья.

НАЧЕРНО...

1.

В общежитье том последнем, в той последней коммуналке,
Где не тесно, слава Богу, никому и никогда,
Над высокою сосною в темно-сером полушалке
В небе сумеречном, зимнем еле теплится звезда.
А четыре красных розы в материнском изголовье
И четыре белых розы в изголовье у отца
И сыновнею виною, и сыновнею любовью
На снегу сухом, холодном пламенеют... до конца...

2.

Еще и плахи нет, и нет прощенья,
Горит в ночи Полярная звезда,
Трепещут на ветру цветы осенние,
Скрипят полы, бушуют поезда.
И, может быть, концы с концами свяжутся
Не ранее, чем в тот рубежный час,
Когда бывшее будущим окажется
И память станет вечностью для нас.

3.

Нас нагоняет не минувшее –
Нас будущее настигает,
Манившее и обманувшее,
Крапивою до крови стегают.
И, не чураясь отсебятины,
Лишь нянька память безобманно
Одна залечивает ссадины
И перевязывает раны.

4.

Лишь начни вспоминать – и уже передышки не будет:
Раскрутил маховик – так попробуй-ка останови!
Что случилось с тобою, тебя же прощает и судит
По законам твоей же надежды, твоей же любви.
То, что названо адом, – не где-то, а в здешних пределах.
И, как в детстве, отчаянно громок в суражском саду
Стук отпадавших яблок, бугристых, багровых и белых...
Если Бог одинок, значит, Он пребывает в аду.

5.

Унынье осени... Бескровен слабый свет
На лицах горожан во тьме сырой и стылой,
И каждый – шепотом и начерно – *помилуй*
Мя, Господи, твердит. Бессмертья в мире нет

Для злака и листа. И каждому из нас
Предъявлен будет счет к итоговой оплате...
А впрочем, для иной, посмертной благодати
Равно, что сто веков, что год, что день, что час.

6.

Внятный образ благодати
Сорок лет тому назад:
На серебряном закате
Светлый август, темный сад,
Старой липы ствол шершавый
С давним шрамом на коре,
Весь облупленный и ржавый
Рукомойник во дворе,
Одуванчики седые
У дощатого крыльца...
И такие молодые
Лица мамы и отца.

7.

...а память как бы самиздат:
И знать не знает о цензуре...
Не помню ни имен, ни дат –
Лишь проблеск ласточки в лазури.
Лишь проблеск ласточки и дрожь
Речной воды в дыму заката,
Когда из слов любое – ложь
И лишь безмолвие крылато,
Когда, босой, на той земле,
Которая согрелась за день,
Стоишь в полупрозрачной мгле –
И мир прекрасно безотраден.

ОСЕНЬ

И. К.

Черты лица ее туманны –
Едва ли в том ее вина.
По вечерам гудят каштаны,
Заглядывая в створ окна,
Что на земле всегда нежданны
Любовь, сиротство и война.

Бог знает что она городит
И забывает имена,
Разводит с кем-то, с кем-то сводит,
Ввергает в сон, лишает сна;
Как дождь за окнами, проходит
И в свой черед пройдет она.

А продолженье будет, нет ли –
Не ей об этом знать дано.
Старуха Клото вяжет петли,
Глядит в немытое окно,
С колен ее, шурша и медля,
Сползает на пол полотно.

И Т. Д. и Т П.

Александрю Левинскому

... и т.д. и т.п...

И ,подробности отвергая
За ненужностью, себя уверяешь ты,
Что, помимо этой, будет еще, другая,
И еще драгоценнее будут ее черты.
И еще благосклоннее будет ее улыбка,
И походка воздушнее, и милосердней слова,
А бывшее, знаешь ли, не более чем улика,
И припрятать улику эту – как дважды два.
И т.д. и т.п.
А когда – ничего иного,
Кроме как утешаться тем, что и правда – ложь,
Сознаешь, что обмылки эти и есть основа
Всякой жизни. По крайней мере – пока живешь.

Учитель словесности – это читатель книг,
Которые им прочитаны не однажды,
И, как ему кажется, он наконец постиг
Рецепты по утолению духовной жажды.
Учитель словесности – это адепт программ,
Изученных, так сказать, от корки до корки:
Он томик раскроет – словно введет во храм
И юношам бледным навяжет свои восторги.
Учитель словесности – это один из тех,
Кто втайне мечтает об участии птицелова,
Кто мог бы окончить истфак, биофак, физтех,
Но слову поверил, прежде чем понял слово.

Бедное, бедное, темное слово мое, замарашка,
Осиротевшая Золушка в доме холодном, чужом,
Слово – дурнушка, неловкое слабое слово-дворняжка,
Где он, тебе предназначенный, где он, отеческий дом?
Может случиться и так, что одною из нищенок странниц
Ты побираться пойдешь по державной, по славной Руси,
Но и тогда, видит Бог, этот жирный и жаркий румянец
Ты у надменных, у сводных сестер не проси, не проси...

КОВШОВСКАЯ ШКОЛА

Светлане Варламовой

1.

До школы этой было мне
Версты примерно так четыре.
Я шел – и в снежной тишине
Был каждый шаг мой слышен в мире.
Был темен воздух и лилов,
Клубилось небо вдоль обочин,
И мне на все хватало слов,
Поскольку сам я был бессрочен.

Вполсилы, кажется, горя,
Над плоской крышею вокзала
Вставала нехотя заря
И путь неровно освещала.
И может быть, с тех самых пор
Вдоль той дороги тот суглинок,
Вступая с этим веком в спор,
Хранит следы моих ботинок.

Из тех незамутненных лет,
Из тех, которые в начале,
Мне поезда гудят вослед
В железной неге и печали.
И не был ветер ледяным,
И не стеснял еще дыханья
Там, над мостом переходным,
Там, на границе мирозданья.

2.

Здесь, на границе мирозданья,
Здесь, над мостом переходным,
Как пар от зимнего дыханья,
Склубился сумеречный дым.
Нет ни души под облаками –
Пустынен крошечный перрон;
Лишь снега матовое пламя
Теснит меня со всех сторон.

Так воздух труден, что, быть может,
Не раздышаться нипочем,
И день, который мною прожит,
Не подопрет меня плечом.

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег метался, тонкий и сухой...

В. Соколов

1.

Ярко-розов снег в лучах восхода
И громоподобна тишина,
Будто бы державинская ода
У зимы в крови растворена.
И настолько миг рассвета сладок,
Столько в мире неги и огня,
Словно разом десять тысяч радуг
Выплеснуло небо на меня.

2.

Сумерки... Морозно... Одиноко...
Снегом залигованы кусты...
Чувство обозначенного срока
Протечет на сердце с высоты.
И скажу я: вот она, земная
Доля сына, духа и отца, –
Что-то о себе припоминая,
Что не в силах вспомнить до конца.

3.

Матовость элегий Соколова
В синем зимнем воздухе сквозит.
Снова их рассеянное слово
Исподволь меняет реквизит
В этих – сразу после снегопада –
Безымянных парках и дворах...
Знаешь ли, беспамятство – награда:
Кто забыл, тому не страшен страх.

ПЕРЕУЛОК БЕЗЫМЯННЫЙ

*Играй, Адель,
Не знай печали...*

Пушкин

1.

Ни белых пятен,
Ни черных дыр...
Вполне нагладен
Наличный мир.
Когтистый холод
Цепляет грудь...
– А был ли молод?
– Не в этом суть.

2.

В сырой рубахе
Зима идет
Невесть откуда
Невесть куда,
Не ищет плахи,
Даров не ждет,
И нет в ней чуда,
И нет стыда.

3.

Адель, малютка,
Играй, душа, –
Пастушья дудка
Из камыша,
В седом тумане
Не гаснет звук
И тех свиданий,
И тех разлук.

4.

Очам ребенка
Мир явлен так:
Забор дощатый
Лилов и груб,
Вон там – колонка,
Вот тут – овраг,
И дым крылатый
Летит из труб.

5.
А дальше – что там,
Что дальше – там,
За поворотом
К иным местам?
От тех созвездий
В июльской мгле
Какие вести
Спешат к земле?

6.
Как будто в дымке
Чьего-то сна,
В живом просторе
Чадит закат,
На старом снимке
Еще видна
Дыра в заборе,
Тропинка в сад.

7.
К чему архивы
На склоне дня...
Мы все, кто живы,
Земле родня.
В цветах могила,
В крестах погост,
Но все, что жило,
Свидетель звезд.

О гипсовый классик! В прохладе музея,
Наслушавшись досыта лекторских бредней,
Торчишь ты напротив юнца-ротозея –
Почти хорошиста из школы соседней.

Он, рослый и розовощекий, на память
Стихи твои зубрит, потя и мучась,
Он все же надеется переупрямить
Свою – незавидную в сущности – участь.

И так он практичен и точен в ответах
О пользе твоих неприкаянных строчек,
Как будто нежнейший, блаженнейший свет их
Поставлен им, как говорится, на счетчик.

Памяти Анненского

Снежинка на заре осенней
Сквозит над пашней,
И нет созданья совершенней,
И нет бесстрашной.

Ей, слабым ангелом хранимой
От пыток плоти,
Лишь миг над скифскою равниной
Мерцать в полете.

Но чудотворно и высоко
Ее паренье,
Как беззащитность монолога
В стихотворенье...

ПАМЯТИ А. Б. ПЕНЬКОВСКОГО

1.

Был город задымлен
Метельным, стремительным снегом...
Нашествие римлян
Пустяк перед этим набегом.
Символика бунта,
Эмблема космической смуты,
И кажется, будто
Земные ничтожны маршруты.

В эпохе былинной
Не эта ли вьюга гудела
Над скифской равниной,
Которой не видно предела?
Не этот ли хаос
Над сводами тюрем и храмов,
Не ведая пауз,
Клубился и в век Авраамов?

В белесом буране,
Где сердцу бездомно и сиро,
Невидимы грани,
Незримы подробности мира,
Утрачены связи
Со всем, что уже не обрящем...
Идущий по трассе
Обязан идти в настоящем.

2.
Столетия девятнадцатого тени
Толпясь топтались у его дверей,
И контуры невидимых значений
Он прозревал сквозь сумрак словарей.
Как реставратор жил он в этом храме.
Отобранные им у немоты,
Страницы книг его полны дарами,
Какие больше смерти и тщеты.
Одним бесстрашным Клио потекает,
И лишь страстями дух ее храним.
Большое время внятно окликает
Миры и смыслы, узнанные им.

КАРТИНА

Вот картина. На ней – Буратино,
Папа Карло, Пьеро и Мальвина,
Чуть поодаль – злодей Карабас...
Ах, конечно же, эта картина
Ни вот столько не знает о нас.
Если каждый, кто там, на портрете,
Обретает бессмертье в веках,
Дела нет ему, что на рассвете
Клен, багровой расплавленной меди,
Всею кроной дрожит в облаках,
Что кленовые листья сухие
Облетают под ветром слепым,
Что в осенние утра глухие
Посреди беспризорной России
Горек в небо струящийся дым.
И любимая – вестница таин,
И печальный и преданный друг,
Мудрый мастер и грозный хозяин –
Каждый выписан, будто изваян:
Ни страстей, ни восторгов, ни мук.
Лишь иные – какой-то и кто-то –
Не вмещенные в данный формат,
Подчиняясь рукам кукловода,
Под фальшивым шатром небосвода
Пошло гибнут и плоско острят.

Памяти Иосифа Бродского

Империи требуют огненных од –
Элегии, знаешь ли, им ни к чему,
И вечный кумир их – смиренный народ:
Оратай и зодчий, работник в дому.

Не жалкий штафирка, который бубнит
О важности им почитаемых прав,
А Марсов любимец, одетый в гранит, –
Опора империй, основа держав.

Вселенная, знаешь ли, слишком тесна
Для помыслов наших. Проснувшись в поту,
Ты пялишься в бездну чужого окна
И силишься словом обнять пустоту.

Обмылок в державной ладони, дичок,
Привитый ко древу могучему, ты
К империи будешь настолько жесток,
Насколько ты мера ее правоты.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Памяти Льва Озерова

Дымится даль и кажется безмолвной –
Ни дуновенья в воздухе густом,
И в душном ожиданье первых молний
Не в силах тополь шевельнуть листом.
И кажется, душа понять готова,
Что, если жаждой сожжены уста,
Всего больнее для пророка слово
И каторжнее слова немота.

О ПОЭЗИИ

1.

Она играет в чет и нечет
И не понять о чем хлопочет:
Как птичка Божия, щебечет,
Как сельский дурачок, бормочет,
И врет в глаза, что время лечит,
И лжет, что капля камень точит,
И слову истины перечит,
Иных же слов и знать не хочет...

2.

Да-да, играет в чет и нечет
И с первым встречным лясы точит:
Проигрывая – рвет и мечет
И Божьи кары всем пророчит,
Выигрывая же – хохочет,
Хохмит и руки потирает
И всем любовь фортуны прочит,
Не сознавая, с чем играет...

3.

...А дело обстоит не так ли,
Что, веря в чудо светотени,
Мы все участвуем в спектакле –
Кто за кулисой, кто на сцене,
Но не подозреваем даже
(И друг на друга тем похожи),
Что авторы и персонажи
Для Неба суть одно и то же...

ЧУТЬ-ЧУТЬ ГЛАЗКОВСКОЕ

Нет у волка,
Черт возьми,
Чувства долга
Пред людьми,
Чувства долга
Нет у волка,
Сколько волка
Ни корми.

У собаки
Поучусь
Жить во мраке
Наших чувств.
Жить при свете
Могут дети –
За других
Не поручусь.

1.

Поэзия юродива, темна,
Едва ли ей самой дано ответить,
Как может в нищете своей она
Что было и что будет рассекретить.
И тут же спрятать. Отступить во тьму.
И снова в беспризорности всегдашней
Остаться безымянной, потому
Что слово тем стыдливей, чем бесстрашной.

2.

Во всех семи поэзия грешна.
Она грешна, безбытна и надменна,
И с первым встречным, видит Бог, она
Не будет совершенно откровенна.
Везде чужая, хоть всему родня,
На чердаках истории бомжует
И каждый шорох прожитого дня
Дню завтрашнему переадресует.

3.

Лишь тем, что было, мир ее храним,
Лишь то, что будет, выкажет ей нором,
А что до настоящего, то с ним
Она едва ли ищет разговоров.
И потому, что исповедь страшна
Для тех, кто существует здесь и ныне,
Как беженка в стране своей, она,
Блаженная, тоскует по чужбине...

ТРИЛИСТНИК БЕЗ НАЗВАНИЯ

1

Тем игра с фортуной безобманней,
Чем длиннее список круглых дат...
Вечно из клубка воспоминаний
Узелки да петельки торчат.
Ниток тоньше не найти на свете –
Разве что единственная та,
Из которой молча вяжет сети
Чуждая корысти пустота...

2

Не то, что помнишь ты, а что забыто –
Единственная, может быть, опора
Для тех, кому уже невмоготу
Толпиться на площадках общепита
И с грубостью уездного тапера
На сумасшедшем страшном фортепьяно
Играть навзрыд, отчаянно и пьяно –
Собачьим вальсом мучить пустоту.

3

Рано ли, поздно ли – в почву улягусь,
Стану свободен от местных забот.
Каждому, знаешь ли, оперный трагос
Грубые песни свои допоет.
В силах ли смертный управиться с этим?
...А в тишине, что наступит вослед,
Станут слышнее и птицам и детям
Флейты и дудочки прожитых лет...

* **

Теплый воздух слаб и кроток,
Неподвижна тишина...
На участке в восемь соток
Ветхий флигель в два окна.
На одном – цветок герани
От темна и до темна
Пребывает в состоянье
Летаргического сна.

Кажется, уже навеки
Августовский этот зной,
И нуждается в опеке
Самый краткий звук земной:
Шорох ли в дремотной кроне,
Петушиный крик вдали –
Нет, ничто не посторонне
Тишине родной земли.

Мать в сатиновом платочке,
И отец у костерка...
Гладь воды в шершавой бочке
Отражает облака.
Нечем прошлое обрмить
И нельзя окольцевать,
Ибо вера тоже память,
Мука – тоже благодать.

Папа в штопаной рубашке,
Мамин шарфик на плетне...
Кто и по какой ромашке
О былом гадает мне?
Было, не было ... Но если
Да, куда и почему
Те мгновения исчезли,
Канули в какую тьму?

Лунный шар настолько светел,
Так сияет Млечный Путь,
Словно кто-то рассекретил
Жизни праздничную суть.
От разросшихся смородин
Запах терпок и бесплотен...
Точно странник в царстве снов,
Мир бесправен, но свободен
В час, когда не помнит слов.

Эта книга как дерево, что ли,
На осеннем рассвете.

Она

Шелестит о покое и воле,
Хоть не знает ни воли, ни сна.
Эта книга – о детских секретах
Черных лестниц, дворов проходных,
Об условностях тех, о приметах,
Предназначенных лишь для двоих,
О напрасном порыве ладоней
Вслед поспешным шагам за окном,
А еще – о скудеющем доме,
О пустеющем доме родном,
О горчайшей рябиновой грозди,
Об ознобе перронных огней,
О могиле на здешнем погосте
И кресте самодельном над ней.

* **

Саше Александрову

Цветущий куст сирени во дворе,
Посаженный еще – ты помнишь? – дедом
Иосифом, в рассветном серебре
Покажется и сам себе неведом,
Не то что нам, двум пасынкам двора
При доме сорокавосьмиквартирном,
Где день-деньской галдела детвора
И мяч гоняла в разгильдяйстве мирном.

Один – еврей, другой – интеллигент.
Свет не видал подобных обормотов,
Героев анекдотов и легенд,
Но все-таки во-первых – анекдотов.
Над нами всласть куражилась шпана,
А мы в ответ дерзили от обиды,
И в поздний час ущербная луна
Казалась нам обломком Атлантиды.

В течение дня и ссорясь и мирясь
По пустякам, не бывшим пустяками,
Мы оба с небом обретали связь
И наблюдали в нем за облаками,
А те меняли формы и тона,
Окрашивались в желтый и лиловый,
И в них была такая тишина,
Какая, знаешь сам, блаженней слова.

Зато сегодня из-под облаков
Глядят на нас, не ощущая боли,
Незрячий Карпов, пьяный Петухов,
Ворчунья Паша и молчунья Оля.
А если не они, то кто, скажи,
Готов следить за нами в час рассветный,
Дарить надеждой, уличать во лжи?
Быль фабульна, а память бессюжетна.

Цветет сирень, как сорок лет назад
Она цвела... Прозрачно-серебриста,
Преображает бледный палисад,
Как на картине импрессиониста,
Не помню чьей... Не помню ничего,
Что было не со мной на свете белом,
Лишь с каждой гроздью чувствую родство
В сыром дворе, в пространстве оробелом.

ЗЕРКАЛУ

Хоть за окнами завьюжено,
Что с того нам? Все равно
Не останемся без ужина,
Выпьем жаркое вино.
Положив на все пророчества,
При свечах поговорим.
Тайный праздник одиночества
Друг для друга сотворим.

В МОСКВЕ 80-Х

Фотография поэта:

Вот он, в двадцать с небольшим,
Смотрит в даль из-под берета,
Высшим помыслом томим.
Взгляд, исполненный тревоги,
Устремлен за облака...
Там языческие боги
Дни проводят, как века...

То они играют в салки
Или, может быть, в лапту,
То в семейной перепалке
Мечут громы в пустоту,
То устраивают склоки,
То на милость сменяют гнев
И Горациевы строки
Повторяют нараспев...

Фотография поэта...
Кто снимал? Когда снимал?
Сумерки, начало лета,
Рядом чей-то пьедестал.
На гранитном постаменте,
Под опекой Муз и грез,
Гений погружен в бессмертье,
Словно бы в анабиоз.

Боже милостивый, Боже...
Как же все-таки давно
Был я проще и моложе,
Сам-один ходил в кино.
В полутемном кинозале
Постигал я с веком связь,
Плача от чужой печали
И чужим стыдом стыдясь.

Фотография поэта...
Кажется, что видит он
С альманашного портрета
Блеск и мглу чужих времен.
Скверик , у кинотеатра,
Женских платьев пестрота...
...И совсем еще вне кадра
Дрожь осеннего листа.

Лет былых не возревную
К торжествам грядущих лет.
Проживи я жизнь иную,
Был бы я другой поэт.
Был бы легок, зол и весел,
Полон замыслов и сил...
О бессмертье бы не грезил –
О беспамятстве б просил.

РЯБИНЫ В БРЯНСКЕ

В час, когда рябина вызрела
По сырым садам и скверам,
Оглушительнее выстрела
Этот огненный на сером.
То багровей, то оранжевей
В матовом осеннем свете,
Сколько их ни подмораживай,
Не остынут гроздьи эти.
И до Рождества до самого
В не чужом для нас просторе,
Празднуя свой праздник храмовый,
Не погаснут эти зори.

